

Древние акты архива Переславского Данилова монастыря

Не о всех древних актах монастырского архива мы будем говорить здесь, но только о тех, которыми определялся домашний быт вотчинных крестьян этого монастыря, укреплялись взаимные их отношения в этом быту; к таким актам мы относим: 1) духовную память, 2) данные, 3) межевую память, 4) купчие, 5) записи: а) дополнительные к другим актам, б) раздельную, в) поступную, г) мировую, 6) мирскую выборную, 7) межевые полюбовные книги, 8) заёмные кабалы.

с. 21

1. Духовная память

Содержание духовных памятей монастырям составляло пожертвование от частных лиц в монастырь на помин своей души и душ сродников своих. В архиве Данилова монастыря есть такой акт 1586 года. Он начинается словами: «во имя Отца и Сына и Святаго Духа Троицы единосущную и нераздельную»; затем:

Се яз раб Божий Матвей Дмитриев Пыжов пишу сее духовную память целым умом и разумом, кому что дати, и на ком что взяти и кому моя душа поминати. Приказываю свою душу поминати отцу своему духовному, Духовскому игумену Марку, да приказываю свою душу поминати Троицкому Данилова монастыря государю своему архимандриту Сергию с братьею. А дал есми в дом живоначальные Троицы и препод. Даниилу по своих родителей и по своей душе, в наследие вечных благ, на поминоков, вотчину свою отца моего благословение Дмитрия Ивановича Пыжова, да дяди моего благословение Фёдора Ивановича Пыжова в Юрьеве Польском, в Кривцове стану, на р. Шахе, сельцо Микульное, да к тому селцу пустошь Бузаново, в срок без выкупа, в наследие вечных благ.

Благочестивый завещатель не просто завещает поминать свою душу; но, кроме всеобщего поминовения, назначает особые дни, в которые душа особенно нуждается в поминовении и молитвах церковных.

А поминати, — говорит он далее, — моя душа архимандриту Сергию с братьею за тот вклад четырёхдесятницу (то есть сорокоуст) обедню служить по всяк день, а на третины и на девятины и на полусорочины обедниж служить и панихиды пети собором.

с. 22

Устроивши, так сказать, по себе поминовение, завещатель начинает заботиться о поминовении душ сродников своих.

Да архимандриту с Сергию с братьею после моего живота впрок за тот вклад поминати деда моего Ивана, да отца моего Дмитрея и мать мою Ульяну и дядю моего Фёдора, мои родители, и дважды в год на братью кормы чинити, и деда моего и отца моего и мать мою и меня в сеноклик написати во вседневной, и иных моих родителей написати в общей сеноклик.

Во вклад его в монастырь, после смерти его, могли вступить его родственники, могли, как родовым именем, воспользоваться, отнять его у монастыря; — на этот случай в духовной помещена угроза суда божия над ними.

*Свирилин, А. И. Древние акты архива Переславского Данилова монастыря / А. И. Свирилин // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. — СПб.: Типография II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1862. — Т. 4. — С. 21—37.

А что есми дал в дом живоначальные Троицы и препод. Даниилу, до того дела нет никому, после меня ни роду моему, ни племени не вступатися. А кто учнёт в ту вотчину которым бездельем вступатися, и тронет моею костью и моих родителей, и тому с нами судится пред истинным Богом нашим в день судный.

У отходящего в другой мир, кроме означенной вотчины, остаётся ещё много пожитков, — он и их собирает всё и жертвует в монастырь.

с. 23

Да взяти мне на бывшем на зяте своём Григорье Львове отца моего живота и сестры моей 30 рублёв денег, да на 60-ти четвертях насеяно ржи в земле, да на сте сороке четвертях овса в земле, да стоячаго хлеба двести сотниц ржи, да четыреста сотниц овса, да молоченаго хлеба 150 чети ржи, да 350 чети овса, да 30 чети ячменю, да 15 чети пшеницы, да 3 чети семени коноплянаго, да две чети семени льнянаго, да четыре кони: конь чубар, конь сив, конь рыж, конь сер, да 15 страдных лошадей, да жеребят полтретьяцать, да 15 волов, да 20 коров, да 50 овец, да полтретьяцать боровов и свиней, да 20 гусей, да 50 куров, да 3 dospеха, да 3 шолома, да 8 сайдаков,¹ да 8 сабель; и яз Матфей и те денги 30 рублёв, и тот живот весь отца моего и вотчину свою приказал в дом живонач. Троицы и препод. Даниилу и архимандриту Сергию с братьёю. А кто учнёт в ту нашу вотчину бездельем вступатися и учнут ту мою вотчину у монастыря отымати, и не буди на них молитва родителей моих и наша. А сию духовную написав, положил есми в дому живонач. Троицы и у препод. Даниила и ходити архимандриту Сергию с братьёю по тому, как в сей духовной писано. —

У сей духовной сидели и руки приложили: отец его (завещателя) духовный, два брата, 5 других свидетелей и 3 послуха.

2. Данные

Девять данных пока открыто мною в монастырском архиве, и все они принадлежат к XVI веку. Содержание данных то же, что и духовных памятей, то есть пожертвование в монастырь какой-нибудь вотчины на вечный поминок души жертвователя и его сродников. При сём было объясняемо вкладчиком, что

та вотчина, кроме архимандрита Данилова монастыря, иному никому не продана, не променена, ни по душе и в приданые никому не отдана, ни в кабалах денежных ни в хлебных не заложена ни у кого, ни в поручных ни в переводных записях, ни в иных крепостях не укреплена ни у кого ни в чём; а у кого явится на ту вотчину купчая или меновная, или рядная, или данная, или духовная, или кабала денежная или хлебная, или поручная, или переводная запись или иная какая крепость ни буди, — и мне та вотчина очищать ото всех крепостей, — архимандрита же с братьёю в той своей вотчине убытка ни котораго не довести.

Если вотчина была купленная, то купчая отдавалась при сём архимандриту.

Иногда, впрочем, жертвуема была вотчина в монастырь не за одно поминовение души вкладчика после смерти его; но и для того, чтобы при жизни постричь его в монастырь. Так в 1576 году некто Иван Юрьев дал в монастырь свою вотчину половину сельца Исакова да две трети сельца Михеева, и написал в данной:

с. 24

меня Ивана постричь в монастырь, как время моё дойдёт, да и покоити им меня, как покоят и прочую братью, — да у меня Ивана жити в келье человеку моему, а пити ему и ести монастырское. А Бог по мою душу пошлёт по Иванову, и архимандриту с братьёю меня Ивана и мою жену в сенодик написати, на память и на преставленье обедни служити и панихиды пети.

Иногда в данной содержалась не только жертвованная в монастырь вотчина, но и проданная. Так в 1577 году дети Носовы Казарин и Данило Никитины дали в монастырь по своих родителях и по себе в вечный покой свою вотчину в Юрьевском уезде половину пустоши треть сельца Игумнова, а другую половину треть того же сельца продали архимандриту ж, и взяли с него сорок рублей, да пополнки *шубу белью*.

Если вкладчик видел, что в его вотчину могут вступить его дети; то и это было обеспечено в данной монастырю. Так в 1569 году некто Рюма дал в монастырь на помин своей души свою вотчину вытку Десятово, и, между прочим, написал в данной: «а будет детям — Гришке,

¹Влагалище, в которое кладётся лук стреломётный.

да Бажану дело до отца своего вытки, и им дати по купчей Рюмине полтретьяцать рублёв в дом живоначальной Троице».

Иногда вкладчик не сам делал данную, а поручал душеприказчикам своим написать её после смерти своей. Так в 1576 году священник Митрофан и Ждан Плишкин, конюх государский стрелянной, дали в Данилов монастырь архимандриту с братьёю «Иванову вотчину Андреева, государскаго крестоваго дьяка, *по его приказу*, деревню Ильцыно... а дана по Иванове душе и по его жене и по их родителях впрок без выкупу, в наследие вечных благ».

3. Межевая память

Межевая память содержит в себе подробное описание межи купленной или иным способом приобретённой земли. В ней обозначается и то, кто был налицо при размежевании из владельцев как этой земли, так и смежных с ней. Подписались и руки приложили к ней лица, составлявшие между собою сделку о земле, и несколько послухов.

4. Купчие

16 купчих отысканы в Даниловском архиве: из них 9 относятся к XVI веку, 3 к XVII и 4 к началу XVIII века. Купчая была актом, которым укреплялась покупка одним лицом у другого недвижимой собственности. Здесь обозначалось также, за какую сумму куплено известное имение, и если приобретение делалось самим монастырём, то означалось в ней не только одно количество отданных за него денег, но и то, какие это деньги. Так в 1525 году преподобный Даниил купил сельцо Старое Будовское за 210 рублей, и в купчей написано: «а купили есмя то сельцо теми деньгами, что дал к Пречистой Похвале по себе на село в вечный поминок князь Дмитрий Иванович, сын великаго князя Ивана Васильевича, всеа Руссии, полтораства рублёв, а к тому есмя прибавили монастырских денег 60 рублёв». В 1566 году архимандрит Кирилл купил сельцо Кичибухино и селище Дорожаевское за полтретьяста рублей, и в купчей означено: «а купили есмя то сельцо и селище на Алексеевы деньги Данилова, Басманова, что дал он по своим родителям и по себе в дом к живонач. Троице и всем святым 200 р., да сын его Фёдор Алексеевич дал по своим родителям и по себе 50 рублёв денег». Иногда в купчей означались подробно и межи купленного владения, до коих оно простиралось (купчая 1527 г.).

В купчей от продавца объяснялось иногда, «что проданная им вотчина не продана и не заложена ни у кого, ни в данных ни в приданных никому не отдана, ни в который монастырь по душе не отдана, опричь Данилова монастыря архимандрита, ни в кабаках ни в хлебных ни в денежных, ни в записях поручных, закладных, ни в иных ни в которых крепостях не написана; а где явится на ту вотчину купчая или меновная или кабала закладом или запись меновная, и мне... от тех ото всех крепостей очищать, а до архимандрита убытка не довести никотораго» (см. купчие 1566 и 1583 годов).

В купчих XVII века заметны большие предосторожности для укрепления акта. Правда, в некоторых купчих и XVI века писалось иногда, что *купили есмя со государева докладу*;¹ но не видно, чтобы со стороны государя был на ту покупку какой-либо письменный вид; в XVII же веке купчие обеспечиваются царскою грамотою и внесением их в писцовые книги. Так в 1677 году архимандрит Варфоломей купил у переславского протопопа двор внутри города, и написана была купчая в той же форме, как и купчие XVI века; но этого было недостаточно. Архимандрит бил челом царю Фёдору Алексеевичу, чтобы он пожаловал, велел на то их монастырское купленное дворовое и огородное место против купчей дать им свою великаго государя грамоту, которая и дана была от царя на имя воеводы. В ней изложена была сполна вся купчая и, между прочим, предписывалось воеводе:

и как к тебе ся наша в. государя грамота придёт, а тот двор и с местом и с огородом буде не церковной и не тяглою, построен на белом месте и спору о том дворе никем не будет, и тыб тем двором и местом и огородом велел владеть Данилова монастыря архимандриту Варфоломеем с братьёю и впредь кто по нём будут в том монастыре иные власти и братья, а что по сей нашей в. государя (грамоте) о том дворе учинено будет, и тыб к нам, в. государю, писал, а отписку велели подать в Монастырском Приказе окольничему нашему Ивану Большому Севастьяновичу Хитрову...

¹ Например, купчие 1525 и 1566 годов.

В 1686 г. апреля 21-го стольник Михайло Чемоданов продал свою вотчину, половину пустоши Дубровки, некоему Василию Сназину и обязался в купчей «записать своя вотчина за ним Васильем по писцовым книгам и к допросу на Москве стать в Поместном Приказе и руки приложить в нынешнем во 194 году в июне месяце». В этой же купчей написаны определённые правила на случай вмешательства в проданное владение родственников Чемоданова.

с. 27

А буде, — сказано в ней, — кто похощет из родственников моих тое мою вотчину половину пустоши Дубровки выкупить у него Василья, и на том выкупщике взять ему Василью те свои данные деньги тридцать рублёв, а за новоросчистную землю и за хоромное вотчинное строение и за крестьянскую селитву, что он Василей на той половине пустоши Дубровке впредь постройит и землю расчислит и крестьян поселит, взять ему Василью на тех же выкупщиках и за новопоселённых крестьян, что у него Василья на той вотчинной половине пустоши Дубровки будет поселено, взять ему Василью на том выкупщике против указу в. государей и Соборнаго Уложения.

Купчие XVIII века представляют ещё большее развитие форм в обеспечение действительности акта. Здесь подтверждение того, что проданное владение иному никому не продано и не заложено, и ни у кого ни в чём ни в каких крепостях не укреплено, делается новым лицом, *поручителем*. 1702 года Сретенские сотни Афанасий Яковлев продал подьячему Василью Скурихину двор свой в Белом городе, и в купчей на этот двор написано:

а в очистке в той дворовой порозжей земле ручался книг печатнаго двора батыйщик¹ Григорей Яковлев; а буде кто у него Василья в тое дворовую землю станет вступатца по каким крепостям или по чему ни есть, и мне порутчику и ему продавцу очищать и убытка никакого не доставить; а буде не очистим в той дворовой земле, и ему Василью и жене ево и детям взять на нас, на мне порутчике и на нём продавце данные свои деньги или той земли очистка.

К купчей прилагали руки — сам продавец, поручитель, свидетели и духовные отцы продавцов. С купчих, относящихся к концу XVII и началу XVIII века брались пошленные деньги. Под двумя купчими 1702 года подписано так: «1702 года августа в 8-й день сия крепость перечнем в книгу записана и денег шесть алтын четыре деньги за письмо и от записи взято, а о совершенной сей крепости записке бить челом и пошлины платить в том Приказе, в котором по указам надлежит, а буде в указные числа заплачена не будет, и она не в крепость». И действительно утверждение купчих этим не кончалось, потому под двумя купчими 1702 и одной 1717 г., на конце последней, читаем:

с. 28

1717 года февраля в 17-й день в канцелярии земских дел пред ближним кравчим и московским губернатором Кирилом Алексеевым Нарышкиным с товарищи вышеозначенные купчие чтены, и с тех купчих в. государя пошлины с денег двух сот рублёв по гривне с рубля, и того двадцать рублёв, да с прежних незаписных дву купчих с денег со ста с пяти рублёв по три деньги с рубля, и того рубль девятнадцать алтын с деньгою в канцелярию земских дел взяты, и вышеозначенные купчие в книгу, а пошлины в приход записаны.

5. Записи

а) Дополнительные условия к актам

К таким условиям принадлежали, во-первых, условия, соединявшиеся с проданным имуществом. В 1527 году Степан Щереда Корсаков с своими братаничами, продав игумену Данилу и всей братии вотчину свою сельцо Новое Будовское, пишет в записи: «и яз Степан Щереда с своими братаничи изымался по том сельце игумену Данилу и всей братье в кабальном долгу и в своём, что нам ко игумену Данилу и всей братье тово долгу не привести, долг нам кабальный и межи очищать». В 1566 году Иван Карсаков и Захарий Олтуфьев продали по духовной памяти Осипова сына Карсакова и по приказу его в Данилов монастырь сельцо Кичибухино. Но как в том сельце осталось после него Корсакова некоторое количество хлеба, то продавцы на этот предмет записью постановили такие условия:

И в том сельце остались хлеба три скерды ржи, да три скерды овса старого и нового, а молотить было тот хлеб тем же крестьяном сельца Кичибухина сыромолотию из корму, и мы тот хлеб рож

¹ Батыйщик или батырщик — один из печатников, который посредством мац или валика набивает чернилами набранные буквы.

и овёс продали архимандриту же с братиею в том сельце Кочибухине, а взяли есмь у архимандрита тридцать рублёв денег, а и во ржи нам им выдати перед Переславскою торговою ценою по две деньги с четверти со ржи, а за овёс нам имати за старой и за новой по алтыну; а умолотив тое ржи сыромолотию, да послати в торг продати дважды или трижды на испыт, по чему в Переславле в торгу продадут, и нам из тое цены перед торговою выдать по две деньги, и будет умолотитца ржи и овса больше тридцати рублёв, и нам у архимандрита доняти по тойже цене, а неостанет тое ржи и овса с тридцать рублёв денег, и нам из тех денег архимандриту уворотити по росчёту.

Эти суть *купчие* по главному предмету их содержания.

Во-вторых, условия, которые постановлялись при отдаче владения в оброк на известные годы. В 1675 году Фёдор Трусов и Андрей Ковырдаев отдали свою землю, треть пустоши Мелкишева, крестьянам села Биберева и Самарова на сорок лет.

с. 29

А оброку, — сказано в записи, взяли мы за те все годы наперёд двести рублёв денег все сполна, и на той пустоши в те урочные годы на сорок лет им крестьяном пашня пахать и сено косить и лес чистить и всякими угоды владеть; а до тех урочных лет тое своей поместной пустоши трети Мелкишева Данилова монастыря села Самарова и села Биберева у крестьян не отымать и на сторону никому не отдать и самим не владеть, и впредь после тех урочных лет тоя свою поместную пустошь потомуж отдать им Даниловским крестьяном, кои в сей записи писаны, в оброк, а опроче их никому на сторону не отдать. А кто у них в тое нашу пустошь учнёт вступатца, и нам очищать, а им крестьяном убытка никакого не доставить; а буде мы тою пустошью до тех урочных лет Данилова монастыря крестьяном владети не дадим или на сторону кому отдадим, или сами владеть, или после тех урочных лет тое свою пустошь мимо их кому из оброку отдадим, и на нас крестьяном Данилова монастыря взять по сей записи те свои оброчные деньги двести рублёв назад все сполна.

Эти условия, как видим, были обязательны больше для того, кто отдал владение в оброк; но вот и условия для другой стороны. В 1656 году некто Андриан Петров взял по свой живот у Даниловского архимандрита в оброк монастырскую вотчину половину села Долгого, и пишет в записи:

И мне Андреану в те годы тое монастырскую вотчину из поля не продать и не заложить, и по душе ни в которой монастырь владу не отдать, и в придания и ни в какие крепости не написать и не освоить никоторыми делы, и по государеву указу как поедут писцы и мерщики или дозорщики, и мне Андреану ту их монастырскую вотчину пашни и сенных покосов и всяких угодей за собою и за детьми и за сродники своими не написать и никакими делы не укрепить, и писцовых меж Андрея Загражского с товарищи той монастырской вотчины мне Андреану и крестьяном моим не взорать и не перепортить, и ямы не заровнять, и столбов не выметать, и граней не подтесать, и всяких признак не испортить; а оброку мне Андреану за ту их вотчину платить по 16-ти рублёв на год на срок Николин день вешний ежегод безпереводно; а Бог сошлёт по мою Андреанову душу, и жене моей и детям после меня и крестьяном до той монастырской вотчины ни в чём дела нет и не вступатца, а казать её после моего живота суседми и по писцовым книгам всю сполна по прежнему в Данилов монастырь архимандриту.

с. 30

В случае неисполнения им вышеписанных условий, обязывался он, Андриан, заплатить архимандриту двести рублей. «А будет, — пишется наконец в записи, — по государеву указу и государя патриарха, из той монастырской вотчинной их земли писцы или мерщики вымеряют церковные земли, и мне Андреану из той цены изо шестнадцати рублёв оброчных денег не выбавливать, в том я Андреан на себя и сию запись дал».

Записи такого рода суть *оброчные*.

В-третьих, условия определялись при промене владений одного на другое. В 1655 году некто Иван Шестаков променял Даниловскому архимандриту свою вотчину пустошь Исаково (межи которой в записи означены по писцовым книгам) на Даниловские отхожие кулиги в д. Савельеве; в записи по этому случаю написаны такие условия:

а об росписке и о той меновной вотчинной земле бити челом в. государю и принести челобитная в Поместный Приказ Данилова монастыря с архимандритом Тихоном с братьею, за своими руками вместе, чтоб те наши меновные вотчинные земли промеж нами росписать; а буде я Иван об росписке в той вотчинной меновной земле с архимандритом не учну вместе государю бити челом или челобитной за своими руками вместе не принесём, и на мне Иване взять архимандриту с братьею по сей записи, сто рублёв денег.

Записи такого рода по своему содержанию называются *меновными*. Записей этих в монастырском архиве много. Во-первых, условия при займе денег. 1690 года князь Иван Дмитриев

Барятинский занял у архимандрита Данилова монастыря и братии 50 р. денег, да 30 четвертей [6297 л] ржи, и за те заёмные деньги дал во владение ему свою вотчину из лесной дачи села Самарова 2 четверти пашни вечно, с таким обязательством:

с. 31

и впредь мне князь Ивану и жене моей и детям и родственникам моим тою землёю не владеть и в тою землю не вступаться и при писцах той земли ничем не спорить; а ему архимандриту о заёмных деньгах и о хлебе на меня князь Ивана и на жену мою и на детей великим государем не бить челом и не искать никоторыми делами; а буде я князь Иван или жена моя и дети или родственники в тою вышеписанную землю учнём вступатца или владеть или при писцах учнём спорить, и на мне князь Иване и на жене моей и на детях и на родственниках, кто учнёт в тою землю вступатца, взять им Данилова монастыря архимандриту с братьею, по сей записи, те заёмные деньги и хлеб и убытки по своей сказке.

Записи эти суть *заёмные*.

Наконец, в-пятых, обязательства лиц, поступавших в приходах на должности священника и дьячка.

Сюда относится следующая запись 1676 года.

с. 32

Юрьевского уезду Польского, вотчины живоначальные Троицы Данилова монастыря села Березников Предтеченской поп Влас, да церковной дьячек Степан Иванов дали есми на себя сию запись государю отцу архимандриту Варфоломею с братьею в том, что жить нам в том селе Березниках смирно и немятежно как Бога бояся, и о церкви Божии радеть и в воскресные дни и в господские праздники и великих святых, и в среду и в пяток и в иные дни пению Божию быть у нас непрерывно, и властем во всём слушать и почитать, и крестьян нам страху Божию учить и к церкви Божии такожде в воскресные дни и в господские праздники и великих святых к заутреням и к вечерням и к обедням крестьянам с детьми велеть приходить без лености, и по правилу святых отец во святой великий пост и в иные посты крестьянам тож велеть к церкви Божии приходить поститься, и мне попу о христианских душах радеть и заказывать накрепко, чтоб они живучи в том селе Березниках не пили и не бражничали, а на улице от бесовских игралищ и от борьбы крестьян и детей их отрывать; а буде те крестьяне какое то безчинство или дурно учинит и к церкви приходить и в посты поститься и во всём слушать нас не станут, и нам возвещать о том в монастыре властем; а их крестьян тож нам напрасно ни в чём не изобижать и с ними жить смирно и в совете, а собою не управливатися; а буде мы поп да дьячек в том селе Березниках жить учнём не смирно и мятежно, и о церкви Божии, о всяком пении и о христианах и о посте и к церкви Божии приходить (не станем) и станем пить и бражничать, и о том не станем радеть и христианам от всяких бесовских игралищ и от борьбы и от безчинств не станем слушать, и поучать и властем возвещать, или властей не станем заказывать или с крестьяны в чём станем собою управливатца, и на нас на попе и на дьячке монастырская пеня, а пени что власти укажут, да сверх того нам монастырское жестокое смирение. В том мы на себя и запись дали. 7185 года декабря в 11 день.

б) Раздельная запись

Так называется запись о полюбовном разделе имения в 1716 году переславскою вдовою Анисьею, после смерти мужа её, с свекровью Маврой: последняя взяла из движимой и недвижимой собственности три доли, а сноха четвёртый жеребий. Три доли составляли двор в белом городе с каменным строением и три доли животов, а Анисья за четвёртую долю того двора взяла из движимых пожитков мужа равное число той доле, да из недвижимых пожитков четвёртую долю всю сполна, да сверх того своё приданое, с которым она замуж вышла. Затем в записи читаем:

с. 33

а неделенаго у нас ничего не осталось, и о том о всём вышеписанном друг на друга никому нам нигде не бить челом и не вчинать, и сего полюбовнаго разделу ничем нам не спорить, а владеть нам вечно по любовному нашему разделу, что ей свекрови моей весь двор и три доли животов досталось, а мне Анисье ево за четвёртую долю двора и четвёртой жеребей из животов всё движимым имением досталось; а порознь что нам досталось, тому всему взяла я вдова Анисья у ней свекрови своей впредь для ведома роспись, за рукою сына ея дьякона Петра Скурихина; а таковаж роспись я Анисья дала ей свекрови своей за рукою отца моего Леонтия Грача; а ежели являца мужа моего какие письменные долги, и тех письменных долгов платить ей свекрови моей три доли, а мне платить четвёртую долю тех долгов; а ежели я вдова против сей записи в чём вышеписанном не устою, и ей свекрови моей взять на мне Анисье и на муже моём, за кого я выйду замуж, за неустойку, денет тридцать рублёв, а сия запись ей свекрови моей и впредь в запись же.

Запись засвидетельствовали духовный отец Анисьи и стряпчий Леонтьев и крепостных дел московских подьячий Василий Феодоров. Пошлин взято 21 алтын и 4 деньги, да с поперечника дворового с 12-ти сажень с полуполутретью [26 м] по алтыну с сажени 12 алтын с полуденьгою.

в) Поступная запись

Поступные записи заключают в себе договор об уступке имущества или прав, с означением соединённых с этим условий. Такого рода следующие две записи Данилова монастыря. 1571 года на муже Марьи Товарищевой был долг Ивану Манасеину 300 рублей денег. Муж её умер, долг остался не уплачен, а между тем остался акт на тот долг за рукою мужа. Жена взяла на себя расплатиться за мужа и вместо тех денег отдала должнику вотчину своего мужа, половину пустоши сельца Исакова и две трети селища Михеева, и написала в записи:

в книги мне Марье на Москве за Иваном та вотчина написати по сей записи за неделю до Семеня дни летопроводца нынешняго 79 году, а не запишу я Марья тое вотчины на Иваново имя в книги на Москве на тот срок, и мне Марье те деньги триста рублей дати Ивану по сей записи. А та мужа моего вотчина... не продана никому и не заложена ни у кого ни в чём, и где будет на ту вотчину выляжет какая крепость, и мне Марье очищати и Ивану убытка не привести по сей записи; а не учну я Марья тое вотчины очищати, и что будет в той вотчине Ивану убытка станет, и то на мне на Марье те убытки Ивану взяти двое, по сей записи, что Иван скажет.

1671 года Даниловский архимандрит Гурий с братьею в Москве в Судном Приказе искал на боярине князе Иване Бярятинском пожилых денег за беглых вотчинных крестьян Данилова монастыря (в числе 8 человек с жёнами и детьми), которые оказались жившими в Алатырском уезде в вотчине князя Бярятинского и убежали оттуда неизвестно куда. 1688 года князь Бярятинский, не ходя в суд, за тех беглых людей и за пожилые деньги за них согласился уступить архимандриту крестьян сельца Внукова и бобылей, всего 27 душ с жёнами, детьми, братьями, племянниками и внучатами, и написал в записи:

с. 34

а те мои вотчинные крестьяне, oprичь сей поступной записи, никому не проданы и не заложены и никому не поступлены, и ни в каких крепостях ни за кем не укреплены и не записаны, и впредь родственникам моим никому до тех моих крестьян и бобылей дела нет и не вступатца никоторыми делы... а буде родственники мои кто-нибудь учнут в те мои поступные крестьяне какими делы нибудь вступатца и бить челом в. государем и Данилова монастыря на властях искать, по сей записи плачу пять сот рублёв денег и беглых своих монастырских крестьян за весную голову за всякаго человека по указу в. государей.

г) Мировая запись

Несмотря на различные названия такого рода записей, они называются тоже просто договорными, а иногда сделочными; сущность их заключается в полюбовном соглашении на прекращение каких-либо спорных между двумя лицами отношений, с обозначением условий такой сделки. К разряду таких актов в Данилове монастыре принадлежит документ следующего содержания. Царём Иваном Великим даны были в этот монастырь деревни — Верхнее и Нижнее, которые были за боярскими детьми — Иваном и Ширяем Нороватыми; в 1557 г. архимандрит монастыря Кирилл бил челом государю, что «у тех деревень меж не знают ото всех земель и от ево государевы земли и от княжих и от боярских и от монастырских в земле в пашенной и в лузах и в лесу» и просил размежевать эти земли. Великий князь дал на имя Василья Брянцова и Константина Изъединова грамоту, кою повелел «собрать тех детей боярских Ширяя и Ивана и их племянников, что те дети боярские и куды межу укажут круг тех деревень ото всех земель». Дети боярские указали межи выборным от государя. Борисоглебский игумен с некоторыми из добриловских крестьян учинил спор, так как их земли лежали около земель тех деревень. Выборные опять разведывали про те земли и написали список, а ям не копали, а назначили срок за списком стать им на Москве на крещение Христово к докладу. Даниловский архимандрит и Борисоглебский игумен на тот срок «на Москве стали, не ставяся у докладу пред бояры, и промеж себя в той спорной земле помирились», полюбовно учинили межу и обязались записать:

с. 35

чрез сию полюбовную межу в землю пашенную ни во что не вступатися и царю великому князю о той земле не бити челом и за списком у доклада не ставитися, а мир свой бояром объявити и на списки подписати. А учну, — пишется далее, — я игумен Варсонофей с братьею и со крестьяны у архимандрита Кирила и у крестьян чрез сию полюбовную межу в землю и в пожни вступатися, как в сей мировой писано, и царю государю бити челом, и за списком ставитися, ино на мне на игумене со крестьяны взяти архимандриту Кирилу по сей записи сто рублёв денег.

6. Мирская выборная

Мирская выборная писалась при выборе кого-либо на выполнение мирского дела. Так для размежевания в землях с спорящею стороною мир выбирал из среды себя *«людей добрых, душою прямых и животом прожиточных»*. Имена выборных записывались в записи, в коей им внушалось *«развести межи в правду безо всякия хитрости и душевредства»*; «а будет, — сказано далее, — оне по нашему выбору учинят какую хитрость и в том межевом разводе какую неправду и ссору каким не делом, и на нас на крестьянх монастырская пеня, а пени, что власти государи наши укажут».

7. Межевые книги или расписки

с. 36

В книгах этих подробно обозначались полюбовно размежёванные межи спорному владению; они скреплялись по противням лицами обеих спорящихся сторон. Иногда на межевание был губной староста, который также скреплял книги своим подписом. Иногда полюбовные межеванья чинились с доклада государя, которого наперёд просили в челобитье, чтобы он послал из Поместного Приказу для описи полюбовной межи подьячего, который бы написал её в книги. Так в 1699 году полюбовно размежевались между собою архимандрит Данилова монастыря Варфоломей да холоп сытного дворца стряпчий Михайло Редриков. А под 1671 годом мы находим в межевых книгах Данилова монастыря следующее дело, заключающее в себе три различных акта. Именно, в этом году между крестьянами Чудова монастыря села Вашки деревни Окинфеевой и Данилова монастыря села Рушинова деревни Григоровой оказалось одно спорное место, состоящее из сенных покосов. По указу Чудова монастыря архимандрита Иоакима и соборных старцев и Данилова монастыря архимандрита Гурия с братьею, велено крестьянам тех сёл и деревень выбрать из среды себя по 10 человек *лутчих сверстных людей* и, выбрав, «разыскать им межи в правду писцовыми межевными книгами, а где будет не межёвано или учинится спор, и те места развестъ старожилом в правду и тому разводу учинить межу, и по меже покопать ямы и грани покласть и всякие признаки учинить и в том росписаться и росписи межевыя на обе стороны рознять по противням». Мирским выбором выбрано для этого дела по 10 человек с каждой стороны; имена их написаны в записи. Это *мирская выборная*. Выборные съезжались на то спорное место, осматривали, где бы учинить полюбовную межу; но в писцовых книгах той земли не оказалось, никаких признаков не сыскано, крестьян старожилов не нашлось, и таким образом развестъ межи было непочему. Десять с обеих сторон выборных крестьян выбрали и излюбили из среды себя по одному человеку — со стороны Чудова монастыря крестьянина Василья, а от Данилова монастыря крестьянина Тимофея, и обязались «по их отводу межу чинить, по меже ямы копать и грани тесать и всякие признаки класть, и во всём слушать и ни в чём не спорить и не прекословить, и ту межу учиня по их полюбовному разводу и промеж собою полюбовныя межевыя записи написать по противням, за руками те записи рознять». Это *договорная мировая запись*. Те двое излюбленных крестьян полюбовную межу учинили, по той меже ямы покопали, грани потесали всякие признаки учинили и всё это записали *в межевыя полюбовные книги*.

8. Заёмные кабалы

с. 37

В них обозначалось, сколько взято в заём денег, что отдано под залог, и содержались обязательства, соединённые с сим займом. Так в 1665 году некто Гаврило Сиверицын занял у Никиты Баранова 6 рублей денег московских ходячих, от весеннего Николина дня до зимнего, и заложил ему свою вотчину, свою долю в Долгом поле со всяким угодьем. «И ту мою вытку, — пишется в кабале, — Никите за росты пахати и пожни копати и лес сечи и всяким угодьем владети, а полягут деньги по сроце, и Никите пахати и всем владеть потомуж».

Иногда, впрочем, кабалой должник не обязывался платить росту, но уже после срока. В 1576 году некто Иван Манасеин занял у казначея Данилова монастыря монастырских казённых денег полтора рубля от Петрова дня до Рождества Христова *до сроку без росту*. «А полягут деньги, — пишется в кабале, — по сроце, и мне Ивану им рост давати по расчёту, как идёт в людех, на пять — шестой».